

Антибуржуазия и капиталистическая реставрация

Опубликовано: 14.08.2026 • Время чтения: ~53 мин.

 [Скачать PDF \(на русском\)](#)

 [Оригинал \(PDF • на английском\)](#)

 [Распечатать](#)

АННОТАЦИЯ

В статье вводится понятие антибуржуазии — самостоятельного социального носителя функции локального хозяйственного командования в антикапиталистической системе, у которого отсутствует системная власть капитала. На материале советских красных директоров и китайской национальной буржуазии показывается, что управление отдельным производственным узлом, частный титул собственности и системное господство капитала представляют собой различные функции и не должны отождествляться. Это позволяет сформулировать специфическое противоречие Плана, который должен одновременно воспроизводить локального хозяина и препятствовать превращению локальной власти в системный суверенитет. Далее постсоветская трансформация интерпретируется заново: массовая приватизация рассматривается как изменение формы Контура В, а не как достаточное доказательство капиталистической реставрации. Российская траектория анализируется как период временной буржуазной автономии, за которым последовали реконструкция Командного ядра и новое подчинение крупного капитала. Украина рассматривается как противоположный случай, где центробежная антикапиталистическая тенденция была подавлена посредством коррупции капиталистического Центра. Через закон реализации вводится понятие прокси-фашизма как специфической формы капиталистической реставрации и внешне опосредованной принудительной функции зависимой периферии.

Ключевые слова: Полярный марксизм; антибуржуазия; капиталистическая реставрация; закон реализации; антирынок; валовая экономика; Командное ядро; национальная буржуазия; красные директора; центробежная тенденция; прокси-фашизм

JEL Codes: B51; P21; P26; P31; P51; D23

Введение

Классовый характер хозяйственного руководителя обычно рассматривается через вопрос собственности. При капитализме собственник предприятия является буржуа; устранение частной собственности поэтому легко интерпретируется как устранение самой буржуазной функции, тогда как ее последующее восстановление предстает как возвращение буржуазии и капитализма. Такой подход смешивает три различных отношения: **локальное хозяйственное командование, частную собственность и системную власть капитала**. Настоящая статья исходит из того, что эти функции исторически могут соединяться в одном классе, но не являются тождественными.

Это различие становится особенно заметным в антикапиталистических системах. Советское предприятие сохраняло отдельного локального хозяйственного руководителя после устранения частного капиталиста; современный Китай, напротив, допускает крупный частный сектор, не передавая ему системного командования. Для обозначения общего классового положения, лежащего за этими различными юридическими формами, статья вводит понятие

антибуржуазии — самостоятельного социального носителя функции локального хозяйственного командования, у которого снята функция системного командования через капитал.

Из этого определения следует более широкий результат. План не устраняет локального хозяина, а должен непрерывно его воспроизводить, одновременно препятствуя превращению его локальной власти в системный суверенитет. Поэтому частная собственность сама по себе не может определять классовый характер системы. Постсоветский опыт особенно показателен в этом отношении: превращение красного директора в частного собственника демонстрирует преемственность локальной хозяйственной функции, тогда как расхождение России и Украины показывает условия, при которых подобная трансформация остается внутри антикапиталистической системы, и условия, при которых она завершается капиталистической реставрацией.

Статья построена следующим образом. Раздел 2 устанавливает существование самостоятельной функции локального хозяйственного командования в валовой экономике. Раздел 3 показывает сохранение этой функции при переходе к рыночной форме Контура В. Раздел 4 определяет красного директора и национальную буржуазию как две формы локального хозяйственного руководителя, после чего раздел 5 формулирует их общую классовую категорию. Раздел 6 выводит из нее противоречие воспроизводства и отрицания локального хозяина. Разделы 7 и 8 возвращаются к советскому и китайскому случаям для проверки этой конструкции. Раздел 9 рассматривает постсоветскую приватизацию как превращение локального командования в частный титул собственности. Наконец, раздел 10 анализирует российскую траекторию, а раздел 11 — противоположный украинский исход и вводит коррупцию и прокси-фашизм через закон реализации.

Директора в Советском Союзе

Как хорошо известно, история Советского Союза представляет довольно примечательную картину. Несмотря на существование того, что в настоящей теории называется валовой экономикой — первой исторической формой Плана, или РДП первого типа, — непосредственное управление отдельными предприятиями не осуществлялось самими рабочими коллективами. Та же экономическая форма может описываться под различными другими названиями: советская плановая экономика, административно-командная экономика, сталинская экономическая система и так далее. Терминология здесь вторична. Существенна наблюдаемая организация самого производства.

Можно было бы исходить из абстрактного представления, согласно которому после устранения частного капиталиста власть над отдельной фабрикой непосредственно переходит к занятым на ней рабочим: коллектив или избранный этим коллективом совет становится тогда субъектом, организующим производство. Исторически советская система была устроена иначе. Государственное предприятие имело персонального руководителя — *директора*; советские нормативные акты также использовали названия «начальник» и «управляющий», — а

управление предприятием организовывалось по принципу *единоначалия*. Закрепление этого принципа в ходе индустриализации конца 1920-х и 1930-х годов подробно исследовано в исторической литературе, тогда как классические исследования советского промышленного предприятия описывают директора как фактического руководителя отдельной производственной единицы внутри более широкой плановой иерархии.¹²³

Это было прямо закреплено в институциональном устройстве советского государственного предприятия. Положение о социалистическом государственном производственном предприятии 1965 года устанавливало, что руководство предприятием осуществляется на основе *единоначалия*. Предприятие возглавлялось директором — либо, в зависимости от учреждения, начальником или управляющим, — который назначался и освобождался вышестоящим органом. Директор организовывал работу предприятия и нес полную ответственность за его состояние и деятельность. Без специальной доверенности директор действовал от имени предприятия, представлял его перед другими учреждениями и организациями, распоряжался его имуществом и средствами в установленных законом пределах, заключал договоры, издавал приказы, принимал и увольнял работников, применял меры поощрения и дисциплинарные взыскания. Структура и штаты предприятия также утверждались директором в рамках, установленных вышестоящими органами.⁴

Рабочий коллектив не был полностью исключен из системы управления предприятием. Советское регулирование предусматривало участие рабочих и общественных организаций в обсуждении и осуществлении мер, касавшихся выполнения плана, производства, условий труда и других вопросов. Однако это участие существовало *наряду* с принципом *единоначалия*, а не заменяло его. То же Положение 1965 года одновременно подтверждало широкое участие коллектива предприятия и определяло директора как лицо, возглавлявшее предприятие, организовывавшее его работу и осуществлявшее соответствующие административные полномочия.⁴

Советский директор не был и простым пассивным передаточным звеном, механически передававшим распоряжения центральных плановых органов в цех. Сама организация валовой экономики делала такое описание недостаточным. Вышестоящие плановые и административные органы устанавливали производственные задания, ресурсные ограничения и другие обязательные параметры, однако конкретная организация производства неизбежно происходила на уровне предприятия. Архивное исследование Маркевича и Грегори⁵ реконструирует многоуровневую иерархию, связывавшую центральные политические и хозяйственные органы, отраслевые министерства, их главные управления — *главки* — и отдельные предприятия. Оперативное планирование происходило не только в высших плановых органах, но и внутри министерств, главков и самих предприятий. Предприятия, в свою очередь, постоянно взаимодействовали с вышестоящими органами по поводу планов, заданий и распределения ресурсов.

Те же архивные данные показывают иерархическую структуру, в которой командование сверху сочеталось с конкретным принятием решений внизу. Маркевич и Грегори⁵ характеризуют советскую плановую структуру как форму «вложенной диктатуры»: вышестоящие органы командовали нижестоящими, тогда как каждый подчиненный уровень осуществлял власть над находившимися ниже него единицами. Предприятие поэтому не было ни автономной капиталистической фирмой, ни механической конечной точкой единого приказа, исходящего из центра. Оно представляло собой отдельную производственную единицу, встроенную в более широкую иерархию планирования и командования.

Таким образом, можно установить один элементарный исторический факт. Устранение буржуазии как частного собственника советской фабрики не устранило отдельную функцию непосредственного хозяйственного командования над этой фабрикой. Эта функция материально сохранялась и воплощалась в конкретной позиции внутри советского предприятия — позиции директора. Советская промышленная организация поэтому систематически воспроизводила лиц, которые не владели предприятием как частным капиталом, но тем не менее направляли его повседневную деятельность, организовывали производство и труд, обладали значительной властью внутри производственной единицы и оставались ответственными перед вышестоящей плановой иерархией за результаты ее деятельности.¹²⁴

От валовой экономики к антирынку

Если последовательно продолжить ту же логику и рассматривать Китай, Вьетнам, Кубу и другие подобные государства как сохраняющие форму власти, выражающую интересы рабочего класса, возникает еще более интересная картина. В отличие от советской валовой экономики, эти системы ввели в экономическую организацию рыночные или рыночноподобные механизмы. В настоящей теории эта форма называется *антирынком*.

Китай дает наиболее ясный пример. Начиная с реформ конца 1970-х годов китайская экономика постепенно допустила частное предпринимательство, конкуренцию и частную собственность наряду с государственным сектором.⁶ В то же время Конституция Китайской Народной Республики продолжает определять государственную экономику как ведущую силу народного хозяйства, тогда как негосударственный сектор признается важной составляющей социалистической рыночной экономики, развитие которой государство поощряет, поддерживает, направляет, контролирует и регулирует.⁷ В 2025 году эта позиция была дополнительно институционализирована принятием специального закона о содействии частной экономике, закрепившего развитие частного сектора в качестве долгосрочной составляющей китайской экономической системы.⁸

В результате наряду с государственными предприятиями возник значительный класс частных предпринимателей и собственников — то, что здесь может быть названо *национальной буржуазией*. В отличие от директора советского предприятия, такой хозяйственный

организатор получает свою позицию прежде всего не посредством административного назначения, а через предпринимательство, конкуренцию и рыночный отбор. Исследования китайских частных предпринимателей также показывают, что рост частного капитала происходил одновременно с его политическим включением в существующую партийно-государственную систему, а не с ее вытеснением.⁹

Сходные процессы происходили и в других странах. Во Вьетнаме вслед за реформами *Đổi Mới* последовали правовое признание и расширение частного предпринимательства. Закон о компаниях и Закон о частных предприятиях 1990 года, а затем Закон о предприятиях 1999 года создали и существенно расширили правовую рамку, внутри которой могли возникать и развиваться частные фирмы.¹⁰ На Кубе частные малые и средние предприятия были формально разрешены в 2021 году, тогда как государство одновременно продолжало определять государственное предприятие как главного субъекта национальной экономики.¹¹

Сама советская история уже содержала более ранний и ограниченный пример сходного развития в период Новой экономической политики. НЭП допускала существование слоя частных торговцев и предпринимателей — *нэпманов* — наряду с продолжавшимся политическим правлением большевиков и государственным сектором экономики.¹² *Нэпман*, китайский национальный буржуа и частные предприниматели, возникавшие в других подобных системах, появлялись в различных исторических условиях, но занимали сравнимое непосредственное положение частных организаторов отдельных хозяйственных единиц.

Таким образом, и в советской валовой экономике, и в антирынке непосредственное управление отдельной хозяйственной единицей не переходит к рабочему коллективу как таковому. Прежде всего различается механизм возникновения хозяйственного организатора. В первом случае это *директор*, назначаемый системой; во втором — *национальный буржуа*, отбираемый через подчиненные государству рыночные механизмы. На данном этапе достаточно просто установить это эмпирическое различие.

Окрашенные в красный

Для последующего анализа полезно дать названия двум уже выявленным формам локального хозяйственного руководства.

В рамках Полярного марксизма *красный директор* — это непосредственный руководитель отдельного предприятия или группы предприятий, находящихся в Контуре В в условиях валовой экономики. Термин обозначает прежде всего структурную позицию внутри экономики: *красный директор* организует и направляет отдельную производственную единицу, тогда как системное командование экономикой остается выше этой единицы.

Выражение *красный директор* существовало независимо от настоящей теории, однако исторически употреблялось в менее точном и несколько изменчивом смысле. Оно могло относиться конкретно к коммунистическим промышленным руководителям либо, шире, к

директорам советских предприятий вообще. Саймон Пирани прямо отмечает эту неоднозначность, указывая, что выражение могло означать как коммунистических менеджеров в узком смысле, так и промышленных руководителей в целом.¹³

Здесь термин используется в более широком, но одновременно более точном структурном смысле. Индивидуальная политическая биография конкретного руководителя или то, называли ли его современники «красным директором», не имеет значения для определения. Если человек является непосредственным хозяйственным руководителем отдельной производственной единицы в Контуре В внутри валовой экономики, он занимает позицию красного директора.

Для антирыночной экономики соответствующая категория будет называться национальной буржуазией, или, короче, красной буржуазией. Здесь термин также обозначает структурное положение, а не конкретную историческую идентичность. Он относится к частному собственнику или предпринимателю, который непосредственно командует отдельной производственной единицей в Контуре В и чья позиция воспроизводится через рыночные механизмы антирынка.

Историческое выражение национальная буржуазия также предшествует настоящей теории и употреблялось в другом, более узком смысле. Мао Цзэдун, например, использовал этот термин для обозначения китайской средней буржуазии и отличал ее от компрадорской и других частей буржуазии.¹⁴ Аналогично выражение красные капиталисты применялось в современной литературе в более узком значении, прежде всего к китайским частным предпринимателям, включенным в Коммунистическую партию и партийно-государственную систему.⁹

Полярный марксизм абстрагирует эти термины от подобных конкретных исторических характеристик. Национальный буржуа не обязан состоять в Коммунистической партии, происходить из определенной политической среды или действовать в какой-либо конкретной отрасли. Существенно положение, которое он занимает внутри Контра В: национальный буржуа является локальным частным хозяйственным командиром отдельной производственной единицы внутри антирынка.

Первоначально различие можно выразить в очень простой форме:

валовая экономика → красный директор,

антирынок → национальная буржуазия, или красная буржуазия.

Советский директор и национальный буржуа существуют в радикально различных юридических формах. Однако оба в точном смысле окрашены в красный.

Ни в одном из этих случаев рабочий коллектив сам по себе не является господствующей институциональной формой непосредственного командования отдельным предприятием. Это не означает полного отсутствия рабочего участия. На советских предприятиях существовали институты участия работников, а Конституция Китайской Народной Республики формально

предусматривает демократическое управление государственными предприятиями через собрания работников и иные формы.⁷ Однако такие институты сосуществуют с директорами, менеджерами, собственниками и другими отдельными руководителями производственных единиц. Поэтому они не устраняют разделение между непосредственным производителем и локальным хозяйственным командиром.

Антибуржуазия

То, что сначала наблюдалось в Советском Союзе, а затем в антирыночной экономике, становится яснее, если вернуться к важному различию, проведенному Марксом. В третьем томе *Капитала* Маркс различает капитал как собственность и капитал как функцию. Рассматривая процентный капитал, он прямо описывает это отношение как «капитал как собственность в противоположность капиталу как функции».¹⁵ Это различие становится особенно заметным в акционерной компании, где, как пишет Маркс, сама функция отделяется от собственности на капитал.¹⁶

Здесь речь идет не только о юридической форме собственности. Маркс отдельно рассматривает труд надзора и управления и утверждает, что кооперативный труд многих людей сам по себе требует координации и определенной «командующей воли», объединяющей общий производственный процесс. Функция непосредственной организации производства поэтому не тождественна капиталистической собственности и может существовать отдельно от нее. Именно поэтому развитый капитализм способен поставить наемного директора, руководителя или менеджера между собственником капитала и непосредственным процессом производства.¹⁷

Дальнейшее развитие крупной корпорации сделало это разделение еще более явным. Берли и Минз описали разделение собственности и контроля как одну из центральных характеристик современной корпорации: собственники капитала могут быть многочисленными и пассивными, тогда как непосредственный контроль над предприятием концентрируется у профессионального менеджмента.¹⁸ Позднее Дюмениль и Леви, работая непосредственно в рамках марксистской проблематики, пошли дальше и поставили вопрос о менеджерах как об отдельной классовой формации, возникающей в результате исторического отделения управления от собственности.¹⁹

Эта проблема пересекается с более широким вопросом представительских классовых функций. В Полярном марксизме управление понимается как экономическое представительство капитала, тогда как политики выполняют его политическую представительскую функцию. В антикапитализме отношение переворачивается: номенклатура выступает представителем совокупного пролетариата и объединяет политическую и хозяйственно-управленческую функции, которые в капитализме разделены между политиками и менеджерами. Этот вопрос обладает самостоятельным теоретическим значением, но в настоящей работе подробно рассматриваться не будет.

Для дальнейшего анализа решающее значение имеет понятие **самостоятельного социального носителя функции**. Речь идет не просто о лице, которое технически выполняет управленческий труд, а о социальной позиции, к которой соответствующая хозяйственная функция в конечном счете прикреплена. В обычном капиталистическом предприятии наемный менеджер может фактически организовывать производство, однако за ним стоит капиталист как конечный частный носитель локальной хозяйственной власти. Менеджер осуществляет управление как представитель или заместитель капиталиста.

Полярный марксизм исходит из того, что устранение системной власти капитала не устраняет необходимости управления отдельными производственными единицами. Антикапитализм остается классовым и плановым обществом и поэтому сохраняет различие между управляющим и управляемым. На системном уровне собственником экономики как целого становится совокупный пролетариат, тогда как номенклатура выступает его политическим, управленческим и принудительным представителем. Однако Контур В — непосредственный производственный контур, состоящий из отдельных предприятий и производственных узлов, — по-прежнему требует конкретного хозяйственного руководства.

Номенклатура устанавливает общие условия, в которых действует Контур В, направляет его развитие и подчиняет его системным целям, в том числе посредством воспроизводства локальных хозяйственных руководителей через механизм отбора, соответствующий конкретной форме Плана. В валовой экономике это преимущественно административный отбор; в антирынке — рыночный отбор, подчиненный системе; в иной форме Плана, например сетевой экономике, соответствующий механизм может быть другим. Способ отбора поэтому не является ни случайным, ни экономически безразличным. Его назначение состоит в отборе тех организаторов отдельных производственных узлов, которые способны обеспечить максимально эффективное функционирование производства и тем самым содействовать системному росту и действию закона догоняющего развития. Механизмы отбора различаются, но системная необходимость самого отбора сохраняется.

Именно здесь возникает отличие от обычного капиталистического менеджера. За руководителем предприятия в антикапиталистической системе стоит собственник более высокого порядка — система как целое, принадлежащая совокупному пролетариату и направляемая через его представителя, номенклатуру. Однако за локальным хозяйственным руководителем нет отдельного частного собственника именно этого производственного узла, чью функцию руководитель лишь выполнял бы как наемный заместитель.

Гипотеза Полярного марксизма состоит в том, что сохранение отдельной локальной хозяйственной функции требует конкретного социального носителя этой функции. При капитализме ее конечным частным носителем является капиталист. Если капиталист устраняется из этой позиции, тогда как производственный узел и необходимость его непосредственной организации остаются, система все равно должна поставить в эту позицию конкретного человека. Отбирается ли этот человек административно, через рыночные механизмы или посредством иного механизма, в данном отношении вторично. Если этот

человек образует последнее персональное звено локального хозяйственного командования и за ним стоит только система как целое, а не другой частный собственник, то тем самым он становится конечным носителем функции. Иначе говоря, лишившись прежнего частного носителя, функция социально прикрепляется к человеку, которого система помещает в конечную локальную позицию.

Эта гипотеза возникает не только из логической конструкции. Исторически мы уже наблюдали именно такое разделение системного и локального командования. В валовой экономике конечным социальным носителем локальной хозяйственной функции является красный директор. В антирыночной экономике ту же позицию занимает национальный буржуа, или красный буржуа. Их юридическая форма, механизм отбора и отношение к собственности различаются, но внутри Контура В они выполняют одну и ту же структурную функцию.

В Полярном марксизме эти различные формы объединяются понятием **антибуржуазии**.

Определение 1 (Антибуржуазия). Антибуржуазия — самостоятельный социальный носитель функции локального хозяйственного командования в антикапиталистической системе, у которого снята функция системного командования капиталом, то есть та функция, наличие которой в капиталистической системе делало бы соответствующий класс буржуазией как таковой.

Определение 2 (Красный директор). Красный директор — антибуржуазия валовой экономики, возглавляющая отдельную производственную единицу в Контуре В при валовом административном командовании.

Определение 3 (Национальная буржуазия). Национальная буржуазия, или красная буржуазия, — антибуржуазия антирынка, частным образом командующая отдельной производственной единицей в Контуре В через государственно подчиненный антирыночный отбор.

Еще одно противоречие Плана

Если существование антибуржуазии принимается как исторически наблюдаемая и логически выводимая классовая позиция, ее возникновение перестает выглядеть исключением, свойственным какой-либо конкретной форме антикапитализма. В рамках Полярного марксизма антибуржуазия должна воспроизводиться до тех пор, пока антикапиталистическое общество остается классовым обществом, а не переходит к коммунизму.

Антикапитализм в этом смысле представляет собой классовую инверсию капитализма. При капитализме буржуазия владеет системой и является господствующим классом, тогда как пролетариат занимает подчиненное положение. В антикапитализме отношение переворачивается: совокупный пролетариат становится собственником системы как целого и на системном уровне представлен номенклатурой, тогда как антибуржуазия занимает подчиненную позицию локального хозяйственного командования. Вместе с этим обращением

классовой полярности изменяются и сами системные законы: власть капитала уступает место власти антикапитала, а подчинение хозяйственной деятельности частному накоплению — ее подчинению системному развитию и закону догоняющего развития.

Такое понимание сохраняет реляционную логику собственной марксовой концепции класса. Для Маркса капитал и наемный труд существуют как две стороны единого общественного отношения: «капитал предполагает наемный труд; наемный труд предполагает капитал».²⁰ Буржуазия и пролетариат поэтому взаимно определяются через противоположные позиции, которые они занимают. Исчезновение одной из этих противоположных классовых позиций влечет исчезновение соответствующего классового отношения. Полярный марксизм распространяет эту реляционную логику на антикапитализм, рассматривая его как инвертированную классовую систему, которая еще не стала бесклассовой.

Антибуржуазия поэтому включает различные исторические формы и не определяется наличием частной собственности. Как было показано выше, ее юридическая оболочка и механизм воспроизводства могут изменяться вместе с формой Плана, тогда как лежащая в их основе локальная классовая функция сохраняется.

Из этого следует еще одно внутреннее противоречие Плана. План нуждается в антибуржуазии. Номенклатура может определять направление развития, стратегические ограничения, ресурсы и общие условия функционирования Контура В, однако непосредственная организация огромного числа отдельных производственных узлов требует локальных хозяйственных руководителей. Как уже показано, каждая форма Плана вырабатывает соответствующий механизм воспроизводства таких локальных организаторов, чтобы производственные узлы действовали эффективно и тем самым содействовали росту системы.

Интересы антибуржуазии не обязаны субъективно совпадать с интересами совокупного пролетариата. Ее представители могут стремиться к прибыли, премиям, статусу, расширению своего предприятия, большему контролю над ресурсами или иным локальным преимуществам. План организует Контур В таким образом, чтобы реализация таких частных и локальных интересов одновременно содействовала развитию системы как целого.

Функция антибуржуазии поэтому значительно шире рутинного администрирования уже заданного производственного процесса. Она включает локальную инициативу, предприимчивость, организационное творчество и способность создавать новые производственные комбинации. Сходное различие именно в этом пункте можно обнаружить в совершенно иной теоретической традиции. Шумпетер, например, отделял предпринимательскую функцию от собственности на капитал и определял ее через осуществление «новых комбинаций»; согласно его собственной формулировке, носителем такой функции мог быть независимый собственник, наемный менеджер или иной сотрудник фирмы. Он также отмечал, что новые комбинации могут возникать и в социалистической экономике, не основанной на обмене.²¹

Это позволяет уточнить содержание антибуржуазной функции. Антибуржуазия является конечным носителем текущего управления локальным производственным узлом и одновременно носителем локальной инициативы, необходимой для его развития. Создание нового предприятия, новой технологии, новой организационной формы или новой комбинации ресурсов относится к той же сфере локального хозяйственного командования. Поэтому система требует субъекта, способного самостоятельно действовать внутри установленных системой границ, проявлять инициативу и вырабатывать новые хозяйственные решения.

В этот момент установленное выше свойство антибуржуазии приобретает дополнительное значение. Поскольку Контур В не может существовать без самостоятельных локальных организаторов, План необходимо и непрерывно воспроизводит антибуржуазию. Тем самым он воспроизводит и самостоятельный локальный интерес: стремление к прибыли, ресурсам, расширению предприятия, статусу, инициативе или иному преимуществу, связанному с занимаемой хозяйственной позицией. Этот интерес не обязан совпадать с интересом совокупного пролетариата. Антикапитализм поэтому сохраняет реальное классовое противоречие между системным собственником и подчиненным локальным хозяйственным классом.

Из этого отношения вытекает характерное двойное движение Плана. Для реализации закона догоняющего развития План должен формировать и развивать Контур В и поэтому непрерывно производить локального хозяина, способного к инициативе, организации и развитию отдельного производственного узла. Одновременно этот локальный хозяин должен оставаться неспособным превращать локальную власть, накопление и частный интерес во власть над воспроизводством системы как целого. Воспроизводство антибуржуазии поэтому одновременно предполагает непрерывное отрицание ее системного суверенитета. Это свойство можно обозначить как *принцип воспроизводства и отрицания локального хозяина*:

План должен производить локального хозяина и одновременно отрицать его системный суверенитет.

Это образует еще одно противоречие Плана. Антибуржуазия необходима для развития системы именно как самостоятельный носитель локальной хозяйственной инициативы, тогда как сохранение антикапиталистической системы требует, чтобы эта самостоятельность оставалась локальной. Полное устранение антибуржуазии уничтожило бы функцию, необходимую для развития Контура В; превращение ее локальной власти в системную власть восстановило бы власть капитала и тем самым отрицало бы сам антикапитализм. Поэтому обе стороны принадлежат одному процессу: **закон догоняющего развития требует воспроизводства антибуржуазии, тогда как антикапиталистическая форма этого развития требует непрерывного отрицания ее системной власти.**

Возвращаясь к Советскому Союзу

Теперь можно кратко вернуться к советскому случаю. Как уже было показано, директор государственного предприятия обладал значительной властью внутри отдельного производственного узла. При принципе единоначалия директор нес ответственность за предприятие и возглавлял его непосредственную администрацию, тогда как оперативное планирование также происходило на уровне самих предприятий.²⁵ Архивные исследования дополнительно показывают, что советские руководители преследовали собственные локальные интересы, включая доход, продвижение и хозяйственную автономию, и вырабатывали собственные стратегии выполнения плановых заданий.²²

В этом смысле советский директор обладал той локальной хозяйственной властью, которая при капитализме принадлежит буржуазии как хозяину отдельного производственного узла. Однако его власть заканчивалась на этом уровне. Он не владел капиталом, не определял системное направление накопления и оставался подчиненным высшей плановой и политической иерархии. Даже собственные интересы директора в значительной степени реализовывались через выполнение плана, поскольку доход, премии, продвижение и карьерные перспективы зависели от результатов деятельности предприятия.²²

Советский красный директор поэтому представляет наиболее прозрачную форму антибуржуазии: **локальная хозяйственная функция буржуазии сохраняется, тогда как функция системной власти капитала отсутствует у ее носителя.**

Возвращаясь к Китаю

Теперь можно вернуться к Китаю. Масштаб национальной буржуазии там действительно огромен. Согласно официально используемой формуле «56789», частный сектор обеспечивает более 50 процентов налоговых поступлений, 60 процентов ВВП, 70 процентов технологических инноваций, 80 процентов городской занятости и составляет 90 процентов всех предприятий.²³ Это означает, что огромная часть китайского Контура В организована частными собственниками и предпринимателями. Однако сам масштаб локального производственного контура ничего не говорит о системной власти тех, кто им руководит. В Советском Союзе огромная масса производства аналогичным образом организовывалась через отдельные предприятия под непосредственным руководством директоров, которые оставались элементами более высокой плановой и административной иерархии.²⁵

Это различие между хозяйственной автономией и системной властью было выявлено и в исследованиях самого китайского предпринимательского слоя. Маргарет Пирсон, исследуя формирование новой китайской деловой элиты, показала, что экономические реформы создали значительную автономию для предпринимателей на микроэкономическом уровне, не породив соответствующей автономной политической власти предпринимательского класса.²⁴

Советские директора также обладали значительным пространством для самостоятельных хозяйственных действий внутри своих предприятий, оставаясь встроенными в более высокую политическую и плановую структуру.²⁵

Китайский предприниматель обладает отдельным локальным интересом, стремится к прибыли и расширению фирмы, устанавливает политические связи и пытается влиять на государственные решения через доступные ему институциональные каналы.⁹²⁶ Советский директор функционально делал сходные вещи в иной хозяйственной форме: торговался с вышестоящими органами за ресурсы и плановые задания, защищал автономию предприятия, использовал локальные информационные преимущества и разрабатывал собственные стратегии выполнения плана.²²²⁵ Поэтому наличие отдельного интереса, связей с государством и способности влиять на конкретные решения характеризует активного локального хозяйственного субъекта, не превращая его в системно господствующий класс.

Более поздние исследования китайских предпринимателей делают сравнение еще точнее. Хеберер и Шуберт описывают их как «стратегическую группу», способную координировать действия, защищать свои интересы и увеличивать переговорную силу, одновременно действуя внутри существующей политической коалиции, а не как независимый центр власти вне нее.²⁷ Сравнимые формы коллективного продвижения локальных интересов существовали и в советской системе: исследования советских групп интересов выявляли промышленные, министерские и хозяйственные лобби, через которые руководители предприятий и административные органы конкурировали за ресурсы и решения внутри существующего порядка.²⁸²⁹ Лоббирование, коллективные интересы и переговорная сила поэтому наблюдаются в обеих формах и не эквивалентны системной классовой власти.

Сходство особенно заметно в отношениях между локальными хозяйственными руководителями и политической организацией системы. В Китае частные предприниматели могут вступать в Коммунистическую партию, тогда как партийные организации систематически создаются внутри частных фирм. Доля частных предприятий с партийными ячейками выросла с 21 процента в 2010 году до 73 процентов в 2017 году, а к 2020 году партийные организации существовали в 92 процентах 500 крупнейших частных компаний.³⁰ Всекитайская федерация промышленности и торговли, представляющая частный бизнес на национальном уровне, сама действует под руководством Коммунистической партии. Советская форма была иной, но отношение было знакомым: директора крупных предприятий, партийные секретари и другие хозяйственные руководители были включены в кадровые и номенклатурные структуры, через которые партия контролировала назначения и циркуляцию хозяйственного руководства.³¹³² В обоих случаях локальный хозяйственный руководитель связан с политическим центром и встроен в его институциональную структуру.

Та же параллель непосредственно обнаруживается на уровне предприятия. Косс анализирует распространение партийных организаций в китайском негосударственном секторе как расширение власти Коммунистической партии на «деловую границу».³³ Советский

функциональный аналог существовал значительно раньше в более административной форме: партийные организации внутри предприятий участвовали в контроле за производственными заданиями, администрацией предприятия и использованием государственных ресурсов.³⁴ В обоих случаях политическая организация системы институционально присутствует внутри производственного пространства, которым руководит локальный хозяйственный носитель.

Граница становится еще более ясной на уровне финансов и командных высот. Государственная собственность продолжает преобладать в китайской банковской системе, тогда как распределение кредита непосредственно реагирует на государственную промышленную политику.³⁵ Стратегические отрасли также сохраняют привилегированное положение государственного капитала и партийно-государственного регулирования.³⁶ Советский функциональный аналог был значительно более административным: Госбанк и другие финансовые учреждения обслуживали плановое распределение, а кредит организовывался таким образом, чтобы следовать физическому плану.²⁵ Институциональные формы различаются, однако в обоих случаях локальный хозяйственный класс не превращает свое накопление в автономное командование системным кредитом и стратегическим направлением накопления.

Наконец, Келли Цай дала китайским частным предпринимателям характерное определение «капиталисты без класса».²⁶ В рамках ее собственной концепции это относится к отсутствию достаточной политической сплоченности и коллективной организации для превращения предпринимателей в автономный политический класс. Полярный марксизм определяет класс через общую позицию в производственных отношениях и поэтому рассматривает национальную буржуазию как класс. Тем не менее формулировка Цай выявляет важную особенность ее системного положения: огромный класс локальных собственников тем самым еще не становится автономной системной властью. Советские директора аналогично имели собственные интересы, связи и пространство для хозяйственного маневра, тогда как их карьеры и власть продолжали воспроизводиться внутри вертикальной кадровой и плановой структуры.³¹²²

Дополнительное подтверждение можно найти в исследованиях деловых ассоциаций. Унгер показывает, что новые объединения частного бизнеса в Китае действовали как институциональные мосты между предпринимателями и государством, предоставляя механизмы выражения хозяйственных интересов и одновременно сохраняя организационные связи с государственным аппаратом.³⁷ Советский функциональный аналог вновь можно обнаружить в коллективном выражении промышленных и ведомственных интересов через существующие административные структуры без образования отдельного центра системной собственности и власти.²⁸

Различие между советским директором и китайским национальным буржуа поэтому значительно меньше, чем может показаться из противопоставления государственной и частной собственности. Первый административно руководил локальным производственным

узлом, тогда как второй частным образом владеет им; оба преследуют собственные локальные интересы, взаимодействуют и торгуются с государством, остаются связанными с его политической структурой и организуют огромную массу непосредственного производства. Однако ни советский директор, ни китайский национальный буржуа не превращают эту локальную хозяйственную власть в командование системой как целым. Китайская национальная буржуазия поэтому занимает ту же антибуржуазную классовую позицию в иной, частнособственнической форме.

Когда директор стал собственником

Распад Советского Союза позволяет рассмотреть положение красного директора с противоположной стороны. Такой переход, разумеется, не может рассматриваться как чистый эксперимент. Разрушение прежней системы одновременно преобразовало права собственности, рынки, политические институты, государственные границы и возможности, доступные отдельным акторам. Директор мог потерять предприятие, рабочий — стать предпринимателем, государственный чиновник — частным собственником, а совершенно новые акторы могли войти в экономику. Поэтому индивидуальные классовые траектории неизбежно были неоднородны. Именно по этой причине сильная статистическая преемственность, возникающая при таких условиях, особенно значима: трансформация системы открыла многочисленные возможные траектории, однако распределение новых отношений собственности было далеко не случайным.

В России приватизация с самого начала приобрела выраженно инсайдерский характер. К лету 1993 года инсайдеры уже владели большинством акций примерно в двух третях предприятий, которые были приватизированы или находились в процессе приватизации.³⁸ Наиболее популярный вариант приватизации позволял работникам и менеджменту приобрести 51 процент голосующих акций, и его выбрали приблизительно три четверти участвовавших предприятий. Последующие исследования также выявляли устойчиво высокие уровни собственности работников и менеджмента в первые годы приватизации.³⁹ Между 1992 годом и концом 1995 года в России было приватизировано более 100 000 малых предприятий и почти 18 000 средних и крупных предприятий.⁴⁰

Изменение юридической собственности часто сохраняло существующее хозяйственное руководство предприятия. Советские менеджеры входили в приватизацию, уже обладая организационной властью, знанием предприятия, отношениями с поставщиками и административными органами и контролем над значительной частью внутренней информации. Даже там, где акции первоначально широко распределялись среди работников, фактический контроль часто оставался сосредоточенным у менеджмента и впоследствии мог усиливаться посредством приобретения акций работников. Исследования российских предприятий выявили значительную преемственность управленческого корпуса: между 1992 и

1996 годами лишь около трети средних и крупных предприятий сменили генерального директора, а приблизительно в 80 процентах этих случаев преемник происходил из того же предприятия.⁴¹

Украина воспроизвела ту же общую модель. В 1992–1994 годах 1240 средних и крупных предприятий были приватизированы через арендный выкуп менеджерами и работниками. В ходе последующей программы массовой приватизации 1995–1998 годов было приватизировано еще 9240 средних и крупных предприятий.⁴² Таким образом, трансформация охватила значительную часть бывшей советской производственной структуры, а не маргинальную группу предприятий.

Исследования на уровне предприятий также показывают сохранение инсайдерской собственности после украинской приватизации. Непосредственно после приватизации работники, менеджеры и бывшие работники вместе владели в среднем 55,8 процента акций обследованных предприятий; к концу рассматриваемого периода их совокупная доля все еще составляла 55,1 процента. Внутри предприятий, контролировавшихся инсайдерами, собственность все больше концентрировалась у менеджмента по мере того, как руководители приобретали акции, ранее распределенные среди работников.⁴³ Сам институциональный дизайн также способствовал этой преемственности: украинские менеджеры получили преимущественные возможности приобретения акций, тогда как более ранние механизмы арендного выкупа уже позволяли менеджерам и работникам превращать контроль над государственными предприятиями в права собственности.⁴⁴

Ни одна из этих цифр не означает, что каждый красный директор стал капиталистом или что каждый постсоветский капиталист происходил из советского управленческого слоя. Системный распад неизбежно производит значительную индивидуальную мобильность между социальными позициями. Существенен здесь совокупный рисунок. На тысячах бывших советских предприятий акторы, уже находившиеся внутри производственной единицы, вновь и вновь сохраняли контроль, получали привилегированный доступ к собственности и во многих случаях концентрировали эту собственность в руках менеджмента. При условиях, когда существовало множество альтернативных индивидуальных траекторий, трансформация тем не менее демонстрировала выраженную преемственность между прежней позицией локального хозяйственного командования и новой позицией частной собственности.

Эта преемственность важна для понятия антибуржуазии. До распада красный директор уже являлся самостоятельным социальным носителем локального хозяйственного командования над производственным узлом, тогда как частная собственность и системная функция капитала отсутствовали в его позиции. После разрушения валовой экономики эта уже существовавшая локальная власть в огромном числе случаев оказалась непосредственно конвертируемой в частную собственность. Хозяйственного организатора не требовалось создавать заново: трансформация часто изменяла юридическую форму позиции, локальное производственное содержание которой уже существовало.

Однако этот результат устанавливает только преемственность локальной хозяйственной позиции. Он еще не устанавливает, что возникший частный собственник стал буржуа в полном системном смысле. Китай уже продемонстрировал, что трансформация плановой хозяйственной формы может производить частных собственников и национальную буржуазию, не передавая этому классу системной власти. Приобретение частного титула поэтому доказывает изменение формы, через которую воспроизводится локальное хозяйственное командование, но само по себе не доказывает восстановление системной власти капитала.

Следующий вопрос поэтому иной. Стали ли постсоветские частные собственники буржуазией, соединяющей локальное хозяйственное командование с системной функцией капитала — классом, способным направлять накопление, формировать воспроизводство системы как целого и тем самым господствовать через капитал? Или частная собственность возникла при сохранении системного командования над локальными собственниками либо при его последующем восстановлении? Одна лишь приватизация не позволяет выбрать между этими возможностями. Она устанавливает переход от валовой экономики к новой рыночноподобной форме; породила ли эта трансформация буржуазию или иную историческую форму антибуржуазии, должно определяться на уровне системной власти.

Буржуазный интеррегнум: против капиталистической реставрации

Чтобы понять дальнейшую судьбу постсоветской буржуазии, прежде всего необходимо определить характер самого перехода. В Полярном марксизме первичной причиной трансформации Советского Союза было историческое исчерпание производительности валовой экономики как первой формы Плана. Это теоретическое определение достаточно тесно соответствует наблюдаемой динамике советской экономики. Реконструкция Марка Харрисона выявляет четкий отрицательный перелом в советской динамике производительности в 1970-е годы и связывает предшествующие высокие темпы послевоенного роста в значительной степени с постепенно исчерпывавшимися возможностями восстановительного роста. Истерли и Фишер аналогично выявляют долговременное снижение отдачи от дополнительного капитала и все более слабые сравнительные показатели советского роста между 1960 и 1989 годами.⁴⁵⁴⁶

Первичная проблема поэтому состояла в необходимости заменить одну организацию Контура В другой. Позднесоветские реформы уже двигались именно в этом направлении. Закон о государственном предприятии 1987 года расширил хозяйственную самостоятельность предприятий, ввел самофинансирование и был направлен на постепенное освобождение части продукции предприятий от прямого централизованного распределения и ее перемещение в более рыночноподобную среду. Закон о кооперации 1988 года впоследствии еще больше расширил сферу самостоятельной хозяйственной деятельности, включая возможности аренды имущества, найма труда и привлечения капитала. Совместное исследование советской экономики, подготовленное МВФ, Всемирным банком, ОЭСР и ЕБРР, также рассматривало реформу предприятий как центральный элемент перехода к рыночной системе.⁴⁷⁴⁸

В терминологии настоящей теории здесь происходила трансформация:

валовая экономика → рыночноподобная экономика,

то есть реструктуризация самого Контур В. Частная собственность, прибыль и рыночный механизм отбора локального хозяйственного организатора могли возникнуть как элементы новой формы, не предполагая тем самым передачи системной власти буржуазии. Рассмотренный выше китайский случай уже демонстрирует возможность существования частного Контур В внутри антикапиталистической системы.

Однако в советском случае эта хозяйственная трансформация исторически совпала со вторым процессом. Старое Командное ядро воспроизводилось внутри институциональной структуры валовой экономики и не могло просто перенести себя в неизменном виде в новую форму Плана. Закон, определяющий это ограничение Командного ядра, не будет подробно рассматриваться здесь; существенен его исторический результат. Исследования позднесоветской системы документируют жесткость существовавшей партийно-хозяйственной структуры и трудности введения даже ограниченных рыночных механизмов внутри нее.⁴⁹ К 1991 году распад партийной легитимности и прежних механизмов управления создал то, что Алек Ноув охарактеризовал как политический и административный «вакуум власти», при котором центральная власть уже не была способна проводить последовательную хозяйственную политику.⁵⁰

Таким образом, исторически сошлись два различных механизма. Необходимая реструктуризация Контур В переводила предприятия от валовой экономики к рыночноподобной форме; одновременно разрушение старого Командного ядра временно дезорганизовало Контур А. Именно совпадение этих двух процессов породило специфическую ситуацию 1990-х годов. Приватизация дала локальным хозяйственным командирам частные титулы собственности, тогда как системная власть, прежде находившаяся над ними, резко ослабла. Возникающий частный собственник поэтому получил возможность превращать хозяйственную власть не только в командование отдельным производственным узлом, но и в значительно более широкую политическую власть.

Эта временная автономия капитала хорошо документирована. К середине 1990-х годов небольшая группа крупнейших российских предпринимателей получила достаточное политическое влияние, чтобы воздействовать на формулирование и применение законодательства, финансировать депутатов Государственной думы и даже министров правительства, а также заключать с государством индивидуальные соглашения по вопросам налогообложения.⁵¹ Исследования переходных экономик на данных BEEPS 1999 года формализовали подобные отношения через понятие «захвата государства»: частные фирмы могли влиять не только на применение существовавших правил, но и на формирование самих «правил игры».⁵²

Концентрация хозяйственной власти также была чрезвычайной. Гуриев и Рачинский⁵³ установили, что 22 крупнейших частных собственника контролировали приблизительно 42 процента занятости и 39 процентов продаж в их выборке крупнейших российских предприятий, охватывавшей отрасли, на которые приходилось 77 процентов промышленного выпуска. Их бизнес-группы одновременно действовали в различных отраслях и регионах. Поэтому в эту конкретную фазу частный собственник мог соединять локальное хозяйственное командование с владением капиталом и значительной способностью влиять на саму политическую систему.

Именно этот исторический интервал породил то, что обычно интерпретируется как *реставрация капитализма*. Однако в Полярном марксизме процесс имеет иной смысл. Сама приватизация принадлежала к трансформации Контур В и поэтому сама по себе ничего не говорила об окончательном классовом характере системы. Временная буржуазная власть возникла потому, что эта трансформация совпала с разрушением прежнего Командного ядра. Иначе говоря, буржуазная автономия 1990-х годов была не необходимым содержанием новой рыночноподобной формы, а следствием временного дисбаланса между уже трансформирующимся Контуром В и Контуром А, который еще не был реконструирован.

Последующая российская история демонстрирует противоположное движение. Начиная с 2000 года политическая власть постепенно концентрировалась внутри федеральной исполнительной иерархии. Были созданы семь федеральных округов во главе с полномочными представителями президента, тогда как последующие реформы 2001–2005 годов систематически смещали и вертикальный, и горизонтальный баланс власти в сторону федеральной исполнительной власти. Тейлор⁵⁴ характеризует реконструкцию административной вертикали как одну из центральных задач государственного строительства ранней путинской эпохи. Исследования политических связей наиболее богатых российских предпринимателей также фиксируют изменение положения бизнеса: между 2003 и 2010 годами политическое участие постепенно перестало давать прежнюю отдачу, а крупный бизнес все больше отходил от прямого политического участия.⁵⁵

Тем самым направление отношения между государством и крупным капиталом изменилось. Рохлиц, Казун и Яковлев⁵⁶ периодизируют постсоветское развитие именно как движение от «захвата государства» в 1990-е к «захвату бизнеса» в 2000-е и, после 2009 года, к еще более централизованной системе зависимости собственности. Это различие имеет решающее значение для настоящего аргумента: частная собственность сохранялась, тогда как способность крупного частного собственника автономно превращать богатство во власть над политическим аппаратом все сильнее ограничивалась.

Одновременно формировался новый Контур А. Томпсон⁵⁷ уже применительно к процессам после 2004 года отмечал значительное расширение непосредственной роли государства во владении и контроле над активами стратегических отраслей — нефтяной, финансовой, авиационной и энергетического машиностроения — и характеризовал эту тенденцию как

расширение государственного контроля над «командными высотами» экономики. Финансовая система двигалась в том же направлении. К концу 2004 года подконтрольные государству банки владели приблизительно 38 процентами банковских активов, 42 процентами кредита и 66 процентами вкладов населения; к началу 2013 года их доля выросла до 50,4 процента совокупных банковских активов и 53,8 процента кредитования нефинансовых корпораций.⁵⁸⁵⁹

Советская институциональная надстройка не была восстановлена. Новое Командное ядро не воссоздало Госплан, прежнюю юридическую структуру государственной собственности или старую партийную организацию. Оно сформировалось внутри уже существовавших постсоветских президентских, парламентских, юридических, корпоративных и рыночных институтов и постепенно монополизировало через них системное командование. Исследования российской маркетизации также показывают, что формирование рынков после распада Советского Союза происходило не через простое исчезновение государства: государственные и отраслевые институты активно реорганизовывали и направляли строительство новых рынков.⁶⁰

В Полярном марксизме именно в этот момент возникает новое Командное ядро. Оно формирует новый Контур А и начинает функционально исполнять ту же системную роль, которую прежде выполняла номенклатура: представляет системную власть совокупного пролетариата, определяет общую траекторию развития и подчиняет ей Контур В. Его политическая и юридическая оболочка не обязана походить на советскую. Для определения класса существенна функция, а не внешняя институциональная форма.

Это также позволяет точнее определить действие *центробежной тенденции*. В настоящей теории центробежная тенденция означает внутреннее антикапиталистическое направление периферийной системы: ее тенденцию удаляться от подчинения империалистическому Центру и воспроизводить собственную структуру системного командования развитием. Консолидация России после 2000 года интерпретируется здесь как конкретное историческое проявление этой тенденции. Эмпирическая литература непосредственно документирует государственную централизацию, потерю крупным бизнесом прежней политической автономии и возвращение стратегических хозяйственных рычагов под государственный контроль; их объединение понятием центробежной тенденции является теоретической интерпретацией Полярного марксизма.

Определение 4 (Центробежная тенденция). Центробежная тенденция, или антикапиталистическая тенденция, — внутреннее антикапиталистическое направление периферийной системы: ее тенденция вырываться из подчинения империалистическому Центру и устанавливать или воспроизводить системную власть совокупного пролетариата над хозяйственным развитием.

Один и тот же сегмент хозяйственного класса мог, следовательно, пройти через три различных положения. Красный директор валовой экономики был антибуржуа, поскольку обладал локальным хозяйственным командованием без системной власти капитала. Во время

разрушения старого Командного ядра частный собственник мог временно стать буржуа в полном смысле, поскольку локальное командование и частная собственность соединялись с реальной способностью влиять на систему как целое. После консолидации нового Командного ядра частная собственность сохранялась, тогда как системная власть вновь размещалась над собственником. Национальная буржуазия тем самым возвращалась в положение антибуржуазии.

Российская последовательность поэтому не должна изображаться как простая линия:

антикапитализм → реставрация капитализма,

а как историческое пересечение двух различных процессов:

валовая экономика → трансформация Контур В → рыночноподобная экономика,

и одновременно:

старое Командное ядро → распад → временная системная дезорганизация
→ новое Командное ядро → новый Контур А.

Их временное пересечение породило реальную, но переходную буржуазную автономию 1990-х годов. Последующая консолидация Командного ядра не вернула Россию к советской валовой экономике. Она завершила переход к другой антикапиталистической форме, в которой частный Контур В существует под системным командованием нового Контур А. В этом отношении возникшая структура демонстрирует очевидное функциональное сходство с рассмотренным китайским антирынком, хотя Россия не является Антицентром, а ее политическая надстройка, историческое положение и позиция внутри мировой системы принципиально иные.

Настоящая реставрация: Украина и прокси-фашизм

Украина начала с той же постсоветской трансформации, которую мы только что рассмотрели на российском материале. Разрушение валовой экономики сопровождалось приватизацией Контур В, превращением значительной части прежнего хозяйственного руководства в частных собственников и временной дезорганизацией системного командования. Однако если в России эта первоначальная дезорганизация в конечном счете завершилась формированием нового Командного ядра и нового Контур А, украинская траектория остановилась на другой стадии.

Частная хозяйственная власть на Украине сохранила исключительно сильную способность непосредственно превращаться в политическую власть. По данным Всемирного банка, политически связанные компании составляли лишь около 2 процентов украинских фирм, но на них приходилось более 20 процентов совокупного оборота и более четверти всех корпоративных активов. В добывающей промышленности, энергетике и транспорте их доля превышала 40 процентов оборота и половину активов соответствующих отраслей.⁶¹ Литература поэтому описывает постсоветскую Украину как систему конкурирующих патрональных и олигархических сетей, ни одна из которых не смогла установить устойчивую монополию над

государством. Попытки такой консолидации предпринимались при Кучме и позднее при Януковиче, однако обе завершились неудачей; в этом отношении Украина отличалась от России, где после 2003 года одна государственно-политическая сеть смогла подчинить конкурирующие центры власти.⁶²

В рамках настоящей теории мы предполагаем, что Украина, как и любая другая периферийная система, была подвержена *центробежной тенденции*. После разрушения старого Командного ядра система обладала внутренней тенденцией вновь отделить системное командование от автономной власти капитала, сформировать собственный Контур А и подчинить ему раздробленные хозяйственно-политические центры. Именно это произошло в России. На Украине попытки государственной консолидации также возникали, но ни одна из них не завершилась устойчивым формированием автономного Командного ядра.

Именно здесь российская и украинская траектории начинают расходиться. В украинский процесс систематически входила еще одна сила — политическое, финансовое и институциональное влияние капиталистического Центра.

Оранжевая революция 2004 года представляет один из наиболее хорошо документированных ранних эпизодов. Майкл Макфол, специально исследовавший роль внешнего воздействия в ее исходе, пришел к выводу, что хотя основные противоречия имели внутреннее происхождение, западная помощь сыграла *прямую причинную роль* в изменении соотношения сил. Она содействовала развитию независимых СМИ, оппозиционной инфраструктуры, мобилизации протеста и, особенно, механизмов выявления избирательных фальсификаций; внешние ресурсы тем самым ограничивали возможности действующей власти и одновременно усиливали ее противников.⁶³ Внутренние украинские политические силы уже действовали в среде, где внешние ресурсы изменяли их относительную способность определять политические результаты.

К 2013 году масштаб такого влияния стал значительным. Виктория Нуланд публично заявила, что начиная с 1991 года Соединенные Штаты инвестировали более 5 миллиардов долларов в программы, связанные с развитием украинских демократических институтов, гражданского участия, *good governance* и других сфер, которые американская политика связывала с европейской траекторией Украины.⁶⁴ Во время Евромайдана американская администрация публично поддерживала движение и оказывала давление на действующую власть с требованием учитывать его требования. Политическая борьба внутри украинской системы поэтому уже происходила в поле значительного и открыто заявленного внешнего влияния.

После 2014 года этот механизм стал значительно глубже. Европейская комиссия прямо называет Соглашение об ассоциации и DCFTA *blueprint* украинской программы реформ, определяя общей целью отношений более глубокую экономическую интеграцию и политическую ассоциацию Украины с Европейским союзом. Только в 2014–2021 годах ЕС совместно с ЕИБ и ЕБРР предоставил более 17 миллиардов евро грантов и кредитов на стабилизацию и трансформацию.⁶⁵

Одновременно Украина вошла в крупные программы МВФ с обширной conditionality. В апреле 2014 года было одобрено соглашение Stand-By приблизительно на 17,01 миллиарда долларов, причем последующие выплаты зависели от регулярных reviews и performance criteria. Программа распространялась на денежную и валютную политику, банковскую систему, бюджет, энергетику, государственные компании, закупки, налогообложение, governance и деловую среду. Позднее МВФ охарактеризовал conditionality программы 2014 года как широкую, front-loaded и более сложную, чем в прежних украинских программах и сопоставимых exceptional-access arrangements.⁶⁶ В марте 2015 года она была заменена четырехлетней Extended Fund Facility объемом 17,5 миллиарда долларов, предназначенной для продолжения и углубления структурных и управленческих реформ.⁶⁷

Внешнее участие распространялось и непосредственно на институциональное воспроизводство государственного аппарата. Созданная в 2014 году Консультативная миссия ЕС включала более 300 украинских и международных сотрудников и предоставляла стратегические консультации и практическую поддержку реформированию Министерства внутренних дел, полиции, Службы безопасности Украины, прокуратуры, судов, пограничной службы и антикоррупционных институтов. Европейские специалисты участвовали в подготовке конкретных институциональных реформ и программ подготовки государственных служащих и сотрудников силовых структур.⁶⁸

Для описания этого процесса Полярный марксизм использует понятие коррупции.

Определение 5 (Коррупция). Коррупция — это процесс, посредством которого капиталистический Центр перенаправляет политическое, институциональное, идеологическое или экономическое развитие периферийной системы в сторону от ее центробежной антикапиталистической тенденции и к воспроизводству внутри империалистического порядка.

Коррупция может принимать финансовую, политическую, институциональную, идеологическую или кадровую форму. Кредитная conditionality, зависимость от внешнего финансирования, поддержка отдельных политических и общественных организаций, институциональная перестройка государства, включение элит в структуры Центра и прямое внешнее давление представляют различные механизмы одного процесса. Его результатом становится перенаправление собственной центробежной тенденции периферийной системы и блокирование автономного антикапиталистического системного командования.

Здесь коррупция Украины пересекается с законом реализации, разработанным в отдельной работе *The Law of Realization*.⁶⁹

Капиталистический Центр неоднократно формулировал направление, в котором он желал видеть развитие постсоветского пространства. В 1999 году Мадлен Олбрайт определила одной из главных целей американской политики содействие полному переходу России к «политической демократии, здоровой рыночной экономике и верховенству права» и прямо

связала успех этой трансформации с интересами Соединенных Штатов.⁷⁰ Желаемой формой России тем самым представлялась либеральная политическая система, соединенная с рыночной экономикой, открытостью и дальнейшей интеграцией.

С точки зрения самого Центра это демократизация и рыночная модернизация. В категориях настоящей теории тот же процесс обладает определенным классовым содержанием. Современная антикапиталистическая Россия существует именно потому, что системное командование отделено от автономной власти частного капитала. Разрушение ее Командного ядра и превращение ее в обычную либерально-рыночную периферию вновь открыло бы ее как пространство капиталистической реализации: рынок, инвестиционное пространство, источник ресурсов и труда и объект собственности.

Закон *реализации* описывает объективную необходимость капитала расширять пространство, внутри которого может происходить реализация.⁶⁹ Антикапиталистическая периферия ограничивает это расширение, поскольку ее Контур А подчиняет движение капитала собственной системной логике. Поэтому капиталистический Центр воспроизводит давление, направленное на устранение этого ограничения, тогда как антикапиталистическая система воспроизводит противоположное движение — сохранение собственного системного командования.

Украинский случай специфичен тем, что это противоречие реализуется косвенно. Сама Украина первоначально является периферийной системой, в которой действует собственная центробежная тенденция. Коррупция подавляет ее автономную антикапиталистическую консолидацию и все глубже связывает воспроизводство украинского государства с капиталистическим Центром. После этого та же зависимая система начинает выполнять дополнительную функцию: она становится непосредственным пространством давления на соседнюю антикапиталистическую периферию.

Эта функциональная трансформация особенно отчетливо видна в военной сфере после 2014 года. НАТО и отдельные государства-члены систематически участвовали в трансформации украинских вооруженных сил, их подготовке и переходе к совместимости с западными военными структурами. Только британская операция Orbital подготовила более 22 000 украинских военнослужащих до февраля 2022 года. В 2021 году Великобритания и Украина дополнительно заключили соглашение, открывшее финансирование в размере 1,7 миллиарда фунтов стерлингов для развития украинских военно-морских возможностей.

Полномасштабная война перевела этот процесс на качественно иной уровень. Внешнее воспроизводство украинского военного потенциала стало коллективной функцией десятков государств, тогда как Украина превратилась в крупнейшего получателя внешних вооружений. Российская сторона одновременно давно и публично формулировала противоположный интерес: препятствовать дальнейшему продвижению западной военно-политической инфраструктуры к своим границам.⁷¹⁷² Таким образом, мы наблюдаем два противоположных системных интереса, непосредственно сталкивающихся на украинской территории.

Именно здесь закон *реализации* приобретает новую историческую форму. В классическом случае крайнего действия закона капиталистическая система сама милитаризуется, чтобы принудительно приобрести или восстановить необходимую периферию. В *The Law of Realization* эта крайняя последовательность была определена через *mefo-law*: блокированная реализация развивается в милитаризацию, экспансию и фашизацию.⁶⁹ В украинском случае принудительная функция отделяется от непосредственного государства капиталистического Центра и переносится на зависимую периферийную систему.

Эту форму мы называем *прокси-фашизацией*.

классическая фашизация: капиталистический Центр → внутренняя милитаризация
→ принудительное приобретение периферии,

тогда как

прокси-фашизация: капиталистический Центр → коррумпированная зависимая периферия
→ вынесенная наружу принудительная функция.

Определение 6 (Прокси-фашизация). Прокси-фашизация, или прокси-фашизм, — объективная функциональная трансформация зависимой периферийной системы, при которой ее собственная центробежная тенденция подавляется, а воспроизводство государства организуется вокруг внешне опосредованной принудительной функции капиталистического Центра против антикапиталистической периферии.

Эту структурную прокси-фашизацию необходимо отличать от *видимой фашизации*. Последняя представляет собой внешнюю политическую и идеологическую морфологию процесса. На Украине радикально-правая традиция оставалась электорально относительно слабой, но приобрела влияние в государственной политике памяти, непропорциональное ее электоральному весу. Исследователи фиксируют институционализацию героизирующих нарративов вокруг ОУН и УПА, распространение памятников Бандере и другим деятелям радикального национализма, а также участие представителей этой традиции в формировании государственной политики памяти.⁷³

Одновременно государственная языковая политика постепенно вытесняла русский язык из все большей части институциональной и публичной сферы: законодательство закрепило обязательное использование украинского языка в государственных учреждениях, образовании, вооруженных силах, правоохранительной деятельности и широком спектре иных публичных отношений.⁷⁴ После 2022 года дополнительно усилилась политическая и информационная централизация: были запрещены более десяти партий, классифицированных как пророссийские, основные национальные телеканалы были включены в единый информационный телемарафон, а полномочия государственного регулирования в отношении онлайн- и печатных медиа расширились.⁷⁵

Эти процессы образуют *видимую фашизацию*, сопровождающую структурную прокси-фашизацию. Одновременно официальные программы капиталистического Центра продолжают формулироваться в терминах верховенства права, борьбы с коррупцией, good governance, прав человека и подотчетных институтов. Центр воспроизводит прежде всего зависимость и функцию; конкретная политическая и идеологическая морфология развивается уже внутри самой прокси-системы.

Теперь можно точно определить значение Украины для общего аргумента статьи. После распада Советского Союза Россия и Украина первоначально проходят сходный этап: приватизированный Контур В получает значительную автономию, тогда как прежний Контур А распадается. Затем их траектории расходятся. В России центробежная тенденция завершается формированием нового Командного ядра, которое вновь подчиняет крупную частную собственность системной власти. На Украине аналогичная консолидация неоднократно остается незавершенной, тогда как влияние капиталистического Центра становится все более глубоким и в конечном счете охватывает экономические, политические, институциональные и военные механизмы воспроизводства системы.

В рамках Полярного марксизма отсюда следует и контрфактическое положение. **При отсутствии коррупции со стороны капиталистического Центра Украина как периферийная система в конечном счете должна была бы следовать собственной центробежной тенденции и сформировать антикапиталистическую организацию системного командования.** Конкретная институциональная форма подобной системы могла быть иной, но ее системное направление состояло бы в подчинении капитала собственному Контур А. Внешнее влияние изменило этот исход.

Поэтому именно в украинском случае понятие *капиталистической реставрации* приобретает свое действительное значение. Реставрация состоит в подавлении восстановления автономного антикапиталистического системного командования и повторном включении бывшей части советской системы в положение зависимой капиталистической периферии. В терминологии настоящей теории Украина тем самым проходит:

антикапиталистическая система → системная дезорганизация → капиталистическая реставрация, тогда как современная Россия проходит иную последовательность:

антикапиталистическая система → системная дезорганизация →
новая антикапиталистическая организация.

Украина показывает, как выглядит капиталистическая реставрация, когда она действительно завершается. Ее закрепление возникает из столкновения внутренней центробежной тенденции с *коррупцией*, осуществляемой капиталистическим Центром, тогда как последующее действие закона *реализации* превращает зависимую периферию в специфическую историческую форму — **прокси-фашизм**.

Заключение

Проведенный в статье анализ позволяет отделить классовую функцию от ее юридической оболочки. Красный директор валовой экономики и национальный буржуа антирынка различаются механизмом отбора, формой собственности и институциональной средой, однако занимают одну и ту же фундаментальную позицию: они непосредственно командуют отдельным производственным узлом, оставаясь лишенными системного командования через капитал. Именно эта позиция образует **антибуржуазия**.

Отсюда следует центральное противоречие Плана. Антикапиталистическая система нуждается в самостоятельном локальном хозяине как носителе управления, инициативы и развития Контра В, тогда как сохранение самой системы требует, чтобы эта самостоятельность оставалась ограниченной локальным уровнем. **План должен производить локального хозяина и одновременно отрицать его системный суверенитет.** Поэтому существование менеджеров, предпринимателей, прибыли и даже частной собственности само по себе не означает восстановления власти капитала.

Постсоветская история особенно ясно демонстрирует это различие. Массовое превращение советских директоров в частных собственников подтверждает преемственность между административной и частнособственнической формами локального хозяйственного командования. Однако их последующие траектории расходятся. В России временная буржуазная автономия 1990-х годов завершилась формированием нового Командного ядра и повторным подчинением частного Контра В системной власти. Поэтому российская приватизация не завершилась устойчивой капиталистической реставрацией.

Украина представляет противоположный исход. Здесь восстановление автономного антикапиталистического системного командования было подавлено посредством **коррупции** капиталистического Центра, а система была повторно включена в положение зависимой капиталистической периферии. Последующее действие **закона реализации** придало этой зависимости специфическую принудительную функцию, определенную в настоящей статье как **прокси-фашизм**. Капиталистическая реставрация поэтому определяется не появлением частного собственника, а восстановлением системной власти капитала.

Главный вывод статьи можно поэтому выразить в простом различии: **владеть капиталом — еще не значит обладать властью капитала**. Антибуржуазия существует именно в пространстве между этими двумя отношениями. Пока локальный хозяин остается подчиненным системному командованию антикапиталистического Контра А, частная собственность меняет историческую форму антибуржуазии, но не уничтожает ее. Буржуазия в полном смысле возникает только тогда, когда локальная власть капитала становится властью над воспроизводством системы как целого.

Footnotes

1. David Granick, **Management of the Industrial Firm in the USSR: A Study in Soviet Economic Planning**, Studies of the Russian Institute, Columbia University, New York: Columbia University Press, 1954. DOI: 10.7312/gran91908. ↩ ↩²
2. Joseph S. Berliner, **Factory and Manager in the USSR**, Russian Research Center Studies 27, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957. DOI: 10.4159/harvard.9780674188273. ↩ ↩² ↩³ ↩⁴
3. Hiroaki Kuromiya, “Edinonachalie and the Soviet Industrial Manager, 1928–1937,” **Soviet Studies** 36, no. 2, 1984, 185–204. DOI: 10.1080/09668138408411523. ↩
4. Council of Ministers of the USSR, “Об утверждении Положения о социалистическом государственном производственном предприятии [On the Approval of the Regulation on the Socialist State Production Enterprise],” Resolution No. 731, October 4, 1965, **Collection of Resolutions of the USSR**, 1965, nos. 19–20, art. 155. Accessed August 14, 2026. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?base=ESU&n=1166&req=doc>. ↩ ↩² ↩³
5. Andrei Markevich and Paul R. Gregory, “Soviet Planning Archives: The Files That Bergson Could Not See,” paper prepared for the Abram Bergson Memorial Conference, Davis Center, Harvard University, November 23–24, 2003. Accessed August 14, 2026. URL: <https://warwick.ac.uk/fac/soc/economics/staff/mharrison/archive/noticeboard/bergson/markevich-gregory.pdf>. ↩ ↩² ↩³ ↩⁴
6. Barry J. Naughton, **The Chinese Economy: Adaptation and Growth**, 2nd ed., Cambridge, MA: The MIT Press, 2018. ↩
7. People’s Republic of China, **Constitution of the People’s Republic of China**, as amended at the First Session of the Thirteenth National People’s Congress on March 11, 2018. Accessed August 14, 2026. URL: https://english.www.gov.cn/archive/lawsregulations/201911/20/content_WS5ed8856ec6d0b3f0e9499913.html. ↩ ↩²
8. Standing Committee of the National People’s Congress of the People’s Republic of China, “中华人民共和国民营经济促进法 [Private Economy Promotion Law of the People’s Republic of China],” adopted April 30, 2025; effective May 20, 2025. Accessed August 14, 2026. URL: https://www.moj.gov.cn/pub/sfbgw/gwxw/xwyw/202504/t20250430_518418.html. ↩
9. Bruce J. Dickson, **Red Capitalists in China: The Party, Private Entrepreneurs, and Prospects for Political Change**, Cambridge: Cambridge University Press, 2003. DOI: 10.1017/CBO9780511510045. ↩ ↩² ↩³
10. Liesbet Steer and Markus Taussig, **A Little Engine That Could: Domestic Private Companies and Vietnam’s Pressing Need for Wage Employment**, Policy Research Working Paper 2873, Washington, DC: World Bank, August 2002. Accessed August 14, 2026. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/884201468760825101/pdf/wps2873.pdf>. ↩

1. Yaima Puig Meneses, "Council of Ministers Approves Improvement of Cuban Economic Actors," **Granma**, June 8, 2021. Accessed August 14, 2026. URL: <https://en.granma.cu/cuba/2021-06-08/council-of-ministers-approves-improvement-of-cuban-economic-actors>. ↵
2. Alan M. Ball, **Russia's Last Capitalists: The Nepmen, 1921–1929**, Berkeley: University of California Press, 1987. ↵
3. Simon Pirani, "The Party Elite, the Industrial Managers and the Cells: Early Stages in the Formation of the Soviet Ruling Class in Moscow, 1922–23," **Revolutionary Russia** 19, no. 2, 2006, 197–228. DOI: 10.1080/09546540600970856. ↵
4. Mao Zedong, "Analysis of the Classes in Chinese Society," in **Selected Works of Mao Tse-tung**, vol. 1, originally written March 1926, Peking: Foreign Languages Press. Accessed August 14, 2026. URL: https://www.marxists.org/reference/archive/mao/selected-works/volume-1/mswv1_1.htm. ↵
5. Karl Marx, **Capital: A Critique of Political Economy**, trans. David Fernbach, vol. 3, London: Penguin Books, 1991. Cited at 503. ↵
6. Karl Marx, **Capital: A Critique of Political Economy**, trans. David Fernbach, vol. 3, London: Penguin Books, 1991. Cited at 568. ↵
7. Karl Marx, **Capital: A Critique of Political Economy**, trans. David Fernbach, vol. 3, London: Penguin Books, 1991. Cited at ch. 23. ↵
8. Adolf A. Berle and Gardiner C. Means, **The Modern Corporation and Private Property**, New York: Macmillan, 1932. ↵
9. Gérard Duménil and Dominique Lévy, **Managerial Capitalism: Ownership, Management and the Coming New Mode of Production**, London: Pluto Press, 2018. DOI: 10.2307/j.ctt21kk22n. Cited at 34–40. ↵
10. Karl Marx, "Wage Labour and Capital," in **Marx and Engels Collected Works**, vol. 9, 197–228, Moscow: Progress Publishers, 1977. ↵
11. Joseph A. Schumpeter, **The Theory of Economic Development: An Inquiry into Profits, Capital, Credit, Interest, and the Business Cycle**, trans. Redvers Opie, Harvard Economic Studies 46, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1934. Cited at 48, 54. ↵
12. Mark Harrison, "Forging Success: Soviet Managers and Accounting Fraud, 1943–1962," **Journal of Comparative Economics** 39, no. 1, 2011, 43–64. DOI: 10.1016/j.jce.2010.12.002. ↵ ↵² ↵³ ↵⁴
13. State Council of the People's Republic of China, "New Guideline to Tackle Key Challenges of China's Private Firms," December 25, 2019. Accessed August 14, 2026. URL: https://english.www.gov.cn/policies/policywatch/201912/25/content_WS5e02bff4c6d0bcf8c4c19695.html. ↵
14. Margaret M. Pearson, **China's New Business Elite: The Political Consequences of Economic Reform**, Berkeley: University of California Press, 1997. ↵
15. Paul R. Gregory and Mark Harrison, "Allocation under Dictatorship: Research in Stalin's Archives," **Journal of Economic Literature** 43, no. 3, 2005, 721–761. ↵ ↵² ↵³

3. Kellee S. Tsai, "Capitalists without a Class: Political Diversity among Private Entrepreneurs in China," **Comparative Political Studies** 38, no. 9, 2005, 1130–1158. DOI: 10.1177/0010414005277021. ↵
↵²
7. Thomas Heberer and Gunter Schubert, "Weapons of the Rich: Strategic Behavior and Collective Action of Private Entrepreneurs in China," **Modern China** 45, no. 5, 2019, 471–503. DOI: 10.1177/0097700418808755. ↵
3. H. Gordon Skilling, "Interest Groups and Communist Politics Revisited," **World Politics** 36, no. 1, 1983, 1–27. DOI: 10.2307/2010173. ↵ ↵²
3. Valerie Bunce, "The Political Economy of the Brezhnev Era: The Rise and Fall of Corporatism," **British Journal of Political Science** 13, no. 2, 1983, 129–158. DOI: 10.1017/S0007123400003197. ↵
3. Kjeld Erik Brødsgaard and Kasper Ingeman Beck, "The Party in Chinese Private Business," **Journal of Current Chinese Affairs**, OnlineFirst, May 4, 2026. DOI: 10.1177/18681026261445459. ↵
1. Bohdan Harasymiw, "Nomenklatura: The Soviet Communist Party's Leadership Recruitment System," **Canadian Journal of Political Science** 2, no. 4, 1969, 493–512. DOI: 10.1017/S0008423900025440. ↵ ↵²
2. Michael E. Urban, "Centralization and Elite Circulation in a Soviet Republic," **British Journal of Political Science** 19, no. 1, 1989, 1–23. DOI: 10.1017/S0007123400005299. ↵
3. Daniel Koss, "Party Building as Institutional Bricolage: Asserting Authority at the Business Frontier," **The China Quarterly** 248 (S1), 2021, 222–243. DOI: 10.1017/S0305741021000692. ↵
1. Alexander Vucinich, "The Structure of Factory Control in the Soviet Union," **American Sociological Review** 15, no. 2, 1950, 179–186. ↵
3. Ying Xu, **Industrial Policy and State Ownership: How Do Commercial Banks Allocate Credit in China?**, IMF Working Paper 2024/262, International Monetary Fund, December 23, 2024. DOI: 10.5089/9798400293979.001. ↵
3. Margaret M. Pearson, "State-Owned Business and Party-State Regulation in China's Modern Political Economy," in **State Capitalism, Institutional Adaptation, and the Chinese Miracle**, ed. Barry Naughton and Kellee S. Tsai, 27–45, Cambridge: Cambridge University Press, 2015. DOI: 10.1017/CBO9781139962858.002. ↵
7. Jonathan Unger, "Bridges: Private Business, the Chinese Government and the Rise of New Associations," **The China Quarterly**, no. 147, 1996, 795–819. DOI: 10.1017/S0305741000051808. ↵
3. Michael McFaul, "State Power, Institutional Change, and the Politics of Privatization in Russia," **World Politics** 47, no. 2, 1995, 210–243. DOI: 10.1017/S0043887100016087. ↵
3. Carsten Sprenger, "The Choice of Ownership Structure: Evidence from Russian Mass Privatization," **Journal of Comparative Economics** 39, no. 2, 2011, 260–277. DOI: 10.1016/j.jce.2010.09.003. ↵
3. Jordan Gans-Morse, **Property Rights in Post-Soviet Russia: Violence, Corruption, and the Demand for Law**, Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316650110. ↵

1. Joseph R. Blasi, Maya Kroumova, and Douglas Kruse, **Kremlin Capitalism: The Privatization of the Russian Economy**, Ithaca, NY: ILR Press, 1997. ↩
2. Katrin Elborgh-Woytek and Mark W. Lewis, **Privatization in Ukraine: Challenges of Assessment and Coverage in Fund Conditionality**, IMF Policy Discussion Paper 2002/007, International Monetary Fund, May 2002. DOI: 10.5089/9781451971620.003. ↩
3. Saul Estrin and Adam Rosevear, "Ownership Changes and Corporate Governance in Ukraine 1995–1999," **Problems and Perspectives in Management** 1, no. 1, 2003. ↩
4. Alexander Pivovarsky, **How Does Privatization Work? Ownership Concentration and Enterprise Performance in Ukraine**, IMF Working Paper 2001/042, International Monetary Fund, April 2001. DOI: 10.5089/9781451846218.001. ↩
5. Mark Harrison, "Trends in Soviet Labour Productivity, 1928–85: War, Postwar Recovery, and Slowdown," **European Review of Economic History** 2, no. 2, 1998, 171–200. DOI: 10.1017/S1361491698000082. ↩
6. William Easterly and Stanley Fischer, "The Soviet Economic Decline," **The World Bank Economic Review** 9, no. 3, 1995, 341–371. DOI: 10.1093/wber/9.3.341. ↩
7. Hugh Bredenkamp, "Reforming the Soviet Economy," **Finance & Development** 28, no. 2, 1991. ↩
8. International Monetary Fund, **A Study of the Soviet Economy**, three-volume study prepared jointly by staff of the IMF, World Bank, OECD, and EBRD, Washington, DC: International Monetary Fund, 1991. DOI: 10.5089/9789264134683.071. ↩
9. Peter Rutland, **The Politics of Economic Stagnation in the Soviet Union: The Role of Local Party Organs in Economic Management**, Cambridge Russian, Soviet and Post-Soviet Studies 88, Cambridge: Cambridge University Press, 1992. DOI: 10.1017/CBO9780511559297. ↩
10. Alec Nove, "The Soviet Economic Crisis," **National Institute Economic Review** 138, no. 1, 1991, 84–96. DOI: 10.1177/002795019113800108. ↩
11. John Odling-Smee, "The IMF and Russia in the 1990s," **IMF Staff Papers** 53, no. 1, 2006. ↩
12. Joel S. Hellman, Geraint Jones, and Daniel Kaufmann, "Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies," **Journal of Comparative Economics** 31, no. 4, 2003, 751–773. DOI: 10.1016/j.jce.2003.09.006. ↩
13. Sergei Guriev and Andrei Rachinsky, "The Role of Oligarchs in Russian Capitalism," **Journal of Economic Perspectives** 19, no. 1, 2005, 131–150. DOI: 10.1257/0895330053147994. ↩
14. Brian D. Taylor, **State Building in Putin's Russia: Policing and Coercion after Communism**, Cambridge: Cambridge University Press, 2011. DOI: 10.1017/CBO9780511974144. ↩
15. Ivan S. Grigoriev and Kirill Zhirkov, "Business Deserts Politics under Weak Institutions: Evidence from Russia, 2003–2010," **Business and Politics** 27, no. 2, 2025, 180–193. DOI: 10.1017/bap.2024.31. ↩
16. Michael Rochlitz, Anton Kazun, and Andrei Yakovlev, "Property Rights in Russia after 2009: From Business Capture to Centralized Corruption?" **Post-Soviet Affairs** 36, nos. 5–6, 2020, 434–450. DOI: 10.1080/1060586X.2020.1786777. ↩

7. William Tompson, **Back to the Future? Thoughts on the Political Economy of Expanding State Ownership in Russia**, CERI working paper, Paris: Centre d'Études et de Recherches Internationales, Sciences Po, July 2008. ↵
3. International Monetary Fund, **Russian Federation: Selected Issues**, IMF Country Report 05/379, Washington, DC: International Monetary Fund, October 2005. DOI: 10.5089/9781451833140.002. ↵
3. International Monetary Fund, **Russian Federation: Fiscal Transparency Evaluation**, IMF Country Report 14/134, Washington, DC: International Monetary Fund, May 2014. ↵
3. Susanne A. Wengle, **Post-Soviet Power: State-Led Development and Russia's Marketization**, Cambridge: Cambridge University Press, 2015. DOI: 10.1017/CBO9781139680479. ↵
1. World Bank, "What Is the Cost of Crony Capitalism for Ukraine?" March 15, 2018. Accessed August 14, 2026. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/opinion/2018/03/15/what-is-the-cost-of-crony-capitalism-for-ukraine>. ↵
2. Oleksiy Bondarenko, "Failure or Success? Regime Fragmentation in the Context of Decentralization Reform in Ukraine," **Democratization** 33, no. 4, 2026, 751–774. DOI: 10.1080/13510347.2025.2511760. ↵
3. Michael McFaul, "Ukraine Imports Democracy: External Influences on the Orange Revolution," **International Security** 32, no. 2, 2007, 45–83. DOI: 10.1162/isec.2007.32.2.45. ↵
1. Victoria Nuland, "Remarks at the U.S.-Ukraine Foundation Conference," U.S. Department of State, December 13, 2013. Accessed August 14, 2026. URL: <https://2009-2017.state.gov/p/eur/rls/rm/2013/dec/218804.htm>. ↵
3. European Commission, "EU Disburses EUR 600 Million in Macro-Financial Assistance to Ukraine," October 25, 2021. Accessed August 14, 2026. URL: https://enlargement.ec.europa.eu/news/eu-disburses-eu600-million-macro-financial-assistance-ukraine-address-economic-fallout-covid-19-2021-10-25_en. ↵
3. International Monetary Fund, **Ukraine: Request for a Stand-By Arrangement**, IMF Country Report 14/106, 2014. DOI: 10.5089/9781484340370.002. ↵
7. International Monetary Fund, **Ukraine: Request for Extended Arrangement Under the Extended Fund Facility and Cancellation of Stand-By Arrangement**, IMF Country Report 15/69, 2015. DOI: 10.5089/9781498353779.002. ↵
3. European External Action Service, "EUAM Ukraine: European Union Advisory Mission for Civilian Security Sector Reform in Ukraine," n.d. Accessed August 14, 2026. URL: https://www.eeas.europa.eu/euam-ukraine/euam-ukraine-european-union-advisory-mission-civilian-security-sector-reform-ukraine-civilian_und_en. ↵
3. Вилен Истени, "The Law of Realization," **Polar Marxism**, 2026. Accessed August 14, 2026. URL: <https://polarmarxism.com/ru/research/law-of-realization/>. ↵ ↵² ↵³
3. Madeleine K. Albright, "Remarks on U.S.-Russian Relations," U.S. Department of State, September 16, 1999. Accessed August 14, 2026. URL: <https://1997-2001.state.gov/statements/1999/990916.html>. ↵

1. Vladimir Putin, "Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy," President of Russia, February 10, 2007. Accessed August 14, 2026. URL: <https://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034>. ↩
2. Vladimir Putin, "Vladimir Putin Answered Questions on the Article 'On the Historical Unity of Russians and Ukrainians,'" President of Russia, 2021. Accessed August 14, 2026. URL: <https://www.en.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/66191>. ↩
3. Per A. Rudling, "Repatriating an Edifying Past: The Diaspora Ukrainian Authoritarian Right and Power over Memory, 1991–2021," **Nationalities Papers** 52, no. 6, 2024, 1308–1331. DOI: 10.1017/nps.2024.47. ↩
4. Ukraine, "Law of Ukraine No. 2704-VIII: On Ensuring the Functioning of Ukrainian as the State Language," April 25, 2019. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/2704-19?lang=en>. ↩
5. Freedom House, "Ukraine: Freedom in the World 2024," 2024. Accessed August 14, 2026. URL: <https://freedomhouse.org/country/ukraine/freedom-world/2024>. ↩

КАК ЦИТИРОВАТЬ ЭТОТ МАТЕРИАЛ

Вилен Истени (2026). "Антибуржуазия и капиталистическая реставрация." Полярный марксизм.
<https://polarmarxism.com/ru/research/antibourgeoisie-and-capitalist-restoration>

ЧИТАТЬ ОНЛАЙН